

В. Алейников

СТИХОТВОРЕНИЯ

Я сын без родины я человек без крова
 в Перми пермяк одежду обменив
 проворожив над пряжею суповой
 еще судьбе скажу не обмани

круги грачей вплетаются в морщины
 вручите план врачуяте говоря
 учитель счи - да притчами причини
 а главный скиф король монастыря

еще метель в часы переворота
 еще грозя ёдва из озорства
 куда же? дверью двориком? ворота
 и на прощанье первая верста

нас будут помнить ничего не знал
 нам не понять мы проживем впопыхах
 не обессудьте - в трех шагах от рай
 на третий день недолгая зима

на подоконник локоток убогий
 смогу ли я откуда ни возьми
 сказать о том что к времени мы строги
 хоть устилаем путь ему костью

на первый раз не полагалось знаться
 на долю снег на дольках апельсин
 на долю боль - не полагалось браться
 спасибо встречный тронуть упросил.

Был день умудренный сознанием лжи
 пришел почтальон с запоздавшим письмом
 я молча покинул нахожденный дом
 прозрачный конверт на ладонь положив
 твой красный лукавый как гном ноготок
 забытые буквы на нем выводили
 я поднял пылающий красный листок
 и черным дыханьем его погасил
 письма не читая судьбу не кляня
 я шел среди всех но от всех в стороне
 любимая ищет во мне не меня
 любимая ищет меня не во мне
 бульвар спотыкался прохожих браня
 и синюю штицу держал в пятерне
 любимая ищет во мне не меня
 любимая ищет меня не во мне
 вернувшись под вечер я знал что Москва
 теперь для меня отыскалась
 я чай заварил и письмо отыскал
 и читал обжигаясь
 "Поклон тебе низкий от всех фонарей
 фанерные тени в углах разложивших
 а дождик на тонких железных пружинах
 шлет память о тронке среди пустырей
 поклон тебе низкий от всех поездов
 от стекол впитавших горячие брызги
 два года - два горя - а где же любовь?
 три осени шепчут - поклон тебе низкий

где лгать научились? с правде моля
шепчу от прохожих как снег в стороне

любимому - ищешь во мне не меня
любимому - ищешь меня не во мне"

О где вы сутулый седой почтальон?
письмо унесите - в почтамте соседнем

где ложь и любовь сургучовым замком
зашены словно соседкиной силетней

прочтите его - вы наверно добры
не смейтесь папаша не плачьте папаша

смотрите - деревья ладонями машут
им тоже не выйти из этой игры.

1964

Когда в провинции болеют тополя
 и свет погас и форточку открыли
 я буду жить где провода в полях
 и ласточек надломленные крылья
 я буду жить в провинции где март
 где в колее надломленные льдинки
 слегка звенят но если и звенят
 им вторит только облачко над рынком
 где воробы и сторожихи снят
 и старые стихи мои мольбою
 в том самом домике звучат
 где голуби приклеены к обоям
 я буду жить пока растает снег
 пока стихи не дочитают тихо
 пока живут и плачутся во сне
 усталые большие сторожихи
 пока обледенели провода
 пока друзья живут и нет любимой
 пока не тает в мартовских садах
 тот неизменный потаенный иней
 покуда жилки тлеют на висках
 покуда небо не сравнить с землею
 покуда грусть в протянутых руках
 не подарить - я ничего не стою
 я буду жить пока живет земля
 где свет погас и форточку открыли
 когда в провинции болеют тополя
 и ласточек надломленные крылья.

1964

х х х

Хохлюшка уже ничем
не удержать моей кончины -
такая тяжесть на ручей
и хрипота неизлечима

здесь камень вымощен луной
и башен сомкнуты занять
пока земной стороной -
служили зависти и страсти

а жемчуг слаб и молчалив
и в моде слава гулевая
когда колышется вдали
фанагория золотая

и умоляют погреба
сырую проповедь вершины
ромашкой вытереть со лба
и полотенцами жасмина

такую истичу хранить
листать нечитанные книги
и полночь к сердцу прислонить
ведерком мокрой ежевики

такую родину беречь
и уносить с собой в споре
прибоя медленную речь
и бормотанье Черноморья.

1965

М. Соколову

Он чаек соловьиный любил натощак
 и лосиным лесничим служил налегке
 у него от куренья зеленый табак
 золотым завитком шевелил на щеке
 забайкальские вьюги его отпоют
 или Волга прикажет гулять напоказ
 на четыре стены размахнулся уют
 у него колыбель королю прозапас
 это белой короной орел дорожил
 или иволги ключ на совиной крови
 по замшелым холмам егерям послужил
 чтобы вымолвил зло и остался в любви
 на точильном станке отпечатана глушь
 на похмелье черным набирает гора
 словно в канле вина заключенную сушь
 собирают грачи по заезжим дворам.

1965

х х х

Словно в зеркале лето застыло
словно крошево проще подчас
так навязчиво здесь изобилье
vasильков и закмуренных глаз

для меня непростая затея
собирая тепло лепестков
услыхать что теперь горячее
позывные шаги моряков

что от синего всилеска фланели
и янтарного круга монист
по песку осыпает шрапнелью
полумесяца вяленый лист

многда отгоняют соседки
удивленье и дым папирос
и маслин сухопарые ветки
не боятся щекотки стрекоз.

1965

х х х

Где степь без роздыка и дерево простыл•
 а воздух выгорел как роща золотая
 ты проще полудня и лето заплетая
 меж двух имен - ты степень различила

мне руки некому на простынь положить
 высоких стекол отзвуки разбиты
 куда ни шло не устают служить
 обзуа временем и памяти обида

еще на озере Плещеевом толпа
 еще навязчива идея соглашений
 и только с мысли спросу не берут

лежит в бору лосиная тропа
 и древесина кораблекрушенья
 с рождения ждет и сносится на сруб.

1965

х х х

Так доверчиво прятать с другими
рукодельем растянутый зной!
победителя живое имя
мелкой зыбью покрыто и мглой

в наше время любая потеря
умещается в малом ковше
чтобы тетерев звался тетерей
и таил недовольство в душе

наши сосны раскинулись вровень
у калитки трава широка
у лунатиков теплые брови
треплют прядь моего парика

и торгуют цветы напоследок
и до самых верховий Днепра
насевают цыгане браслеты
и романсы поют фраера.

1965

х х х

Долгие месяцы лед или снег
 в тюле ломается — лень помутнев
 долгие месяцы то ли во сне
 в Туле меняется то ли вслед
 лен уломает и выманит гнев

долгие месяцы то ли Стокар
 то ли желания шаль до утра
 но круговая — пожар этажа
 жаль наизнанку — подушка бодра

ранка кровавая душит смолой
 великовозрастна до декабря —
 в пряники вкраплена рябь молодой
 вышивки юного голода зря

долгие месяцы веют над на —
 ми нераснета и ля понолам
 до потолка полагается дна
 или рассвета расценивать храм

это ли южная летопись крыши!
 туши размеры на мелкие полосы!
 это высокая поступь стоишь
 над человеческой бодростью голоса

только ли яблоки смыают слюдой?
 только ли вишня настоем характера
 кухонной утвари дарит бедой
 и чудесам причитания матери?

долгие месяцы к дому друзей
 ласточка медлит протяжная песенка
 или бессмертия ждет ротовой
 долгим поклоном столетника плесенке

полупрозрачная ватная вдоль
лестница плещет ступеньками разницу -
так науки утомительна столь!
так убедительны зоркие празднества

о! голубые виски подняла
рыба - и лоб распрямляя старательно
реки расправили вновь удила
рейли стаями цели внимательной

наша земля потеряла любовь
лишь светляки подарили значение
о мореходная сходка долгов!
точкой намечено пересечение

там мировыми столбами Господь
шар поднимает - и тлеет на пару с ней
каменной бабы скользящая плоть
над глубиной коралловых зарослей.

1968

ГРОЗА ИЗДАЛЕКА

Покуда полдень с фонарем
 бродил подобно Диогену
 и туча с бычьим пузырем
 взвешала муторную вену
 еще надежда весь сыр-бор
 гулять на цыпочках водила
 и угоразило забор
 торчать как челюсть крокодила

осок хиосская резня
 мечей точила святотатство
 и августовская стерня
 клялась за жатву рассчитаться
 и в jede слез неумолим
 уж кто-то стаскивал перчатку
 от безобидности малин
 до кукурузного початка

и обновившийся Ислам
 нарушил грез обожествленье
 и разломились пополам
 наружных зол осуществление
 и гром постылый сбросил груз
 и с плеч стряхнул труху печали
 как будто краденый арбуз
 в мешке холщевом раскачали

и чтобы к ужасу впритык
 хозяин сдуру налился
 змеиной молнии язык
 с надменным шипом показался
 и по-младенчески легко
 кочуя в стае камышиной
 кормилиц выпил молоко
 из запотевшего кувшина

покуда в мальве с бузиной
 ницин азы недозубрили
 покуда в музыке земной
 охочи очень до кадрили
 как в школе балуясь звонком
 щета внимания ослабла
 и кувырок за кувырком
 пошли шнырять за каплей капли

и повеленья полутон
 над ходом времени обратным
 оставил нас с открытым ртом
 и лопотанием ненятным -
 и в уверении кругом
 уже разверзлась ширь дневная -
 а где-то в ливне золотом
 еще купается Даная.

1973